

БЕНЕФИС

Две одноактных монолога для одного актера.

ПЕРВЫЙ МОНОЛОГ

ВОВКА-МОРКОВКА
(«Лебединая песня»)

Действующее лицо:

ЧЕРНОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ - артист, 38 лет

Это случилось вчера.

ОТ АВТОРА. Оба монолога в пьесе «Бенефис» исполняет один и тот же актер. Антракта нет. Переодевание должно происходить на сцене, при зрителях.

Гримуборная старого провинциального театра. В динамиках внутритеатрального радио раздаются аплодисменты зрителей. Только что закончился спектакль.

Помощник режиссера сообщает:

*«Спектакль окончен. Всем спасибо. До свидания... Завтра выезд в десять и утренний спектакль в полудиннадцатого, не забудьте, не опаздывайте. Всего доброго, пока всем...»
Помощник режиссера долго и надсадно кашляет, ругается: «Гадство чертово, зараза...»*

В радио - щелчок. Голоса за кулисами стали стихать.

В гримуборную (она на четвертом этаже от сцены, с тремя столиками, на стенах пожелтевшие афиши) медленно вползает ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ ЧЕРНОВ. Нет, сначала появляется его невероятных размеров пузо и только потом все остальное. Владимир тяжело дышит. Пот течет по его лицу, размазывает яркий грим.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ (весело.) Три-та-туш-ки, три-та-та! Вот мы и пришли! Три-та-тиш-ки, три-та-та! Вот мы и явились! Явление седьмое, те же и Вовка-морковка, а по-простому - Владимир Ленин! Так-так-так-так-так-так... Фу-фу-фу-фу-фу-фу... (Кричит.) Костюмеры?! Э?! Костюмеры, мать вашу, ну? Одевальщицы и одевальщики! На помощь, едрит твою налево! Эй, раздевальщицы, ну?

Сел на диван, торопливо снимает сапоги. Не получается. Большое пузо не дает дотянуться. Чертыхаясь, Владимир пошел к гримстолику, открыл ящик, достал бутылку водки, быстро и жадно выпил. Закусил коркой хлеба, спрятал бутылку.

(Снова кричит.) Костюмеры?! (Выглянул за дверь, во всю глотку:) Суки грязные, придет ко мне кто-нибудь или нет?! Я кому говорю это, Пушкину, ага? (Тихо.) Падлы, у народных там

медом намазано, с первого на четвертый ко мне не придет никто... *(Кричит.)* Да?! Блядь, я кому это говорю?! Слышите?!

ТИШИНА.

Пом-реж? Пом-реж? Надька, я кому говорю?! Сюда, ну? *(Пауза.)* Ну, козлы, завтра же на вас докладную, жалобу, блядь, на всех на вас, на всех, на всех, завтра же...

Никого нет. Слова Владимира гулко летают по пустому театру. Тогда он сам, изворачиваясь, начинает стягивать рубаху, штаны. Под рубахой у него засаленные, старые, пропотевшие с десятком завязочек толщинки. Владимир злится, пробуя развязать шнурки зубами.

Гады, сволочи, мерзавцы, так и напишу... Напишу докладную, сволочуги такие... Уважаемый товарищ директор, напишу... Нет, не так, а "Товарищ директор!" напишу... Нет, нет, вот так напишу: "Директор, твою-мать-налево!" Вот именно. "Директор, твою мать! Обращается к вам, вашу мать, артист первой категории Чернов В. С... "Нет, не "В. С." а "Владимир Сергеевич", "Господин Чернов"! Да-с! На "вы", шепотом! Да, да! "Довожу до вашего сведения, что... сведения, что... сведения... что сведения..." *(Пытается развязать узелки.)* Да провались ты, падла... до вашего сведения, что я... что мне... что за мной...

Поднатужился и выполз из толщинок. Остался в длинных до колена черных трусах и провисшей под мышками майке. Тяжело дышит, смотрит на кучу толщинок в центре комнаты. С Владимира течет пот.

Вот именно... вот именно так... Фу-у... Довожу до вашего сведения, что театр ваш, товарищ директор - говно, одевальщицы - говно, артисты - говно полное, пьесы - говно, вахтеры - говно, все и все говно... Сидите в своем говне и хлебаете его большими ложками, и сами вы того же цвета и того же вкуса, директор-с, да-с!

Пошел к гримстолику, снова достал бутылку, выпил, жует корочку.

Ага, как же! Буду я еще прятаться от вас! Держи карман шире! Не дождетесь! Буду пить, как мне нравится - широко и раздольно! Ишь, какие в натуре, как член в комендатуре! Устроили обструкцию мне тут... Погодите, гады... Погодите у меня все! Не дождетесь, прятаться от вас не стану! Все! Я свое отработал, товарищ директор и все прочие говнюки! Мерзавцы, скоты, резина! Я имею полное право на своей территории, хоть до белой горячки, хоть до зеленых чертей на бороде, сволочи, и чтоб никто мне слова не говорил! Молчать! Молчать! Ишь?! Молчать!!! Молчать!!

Под диваном твякнула собака.

Владимир испугался. Вспомнил, обрадованно полез под диван.

Э, э! Варвара - на расправу! Э, ты? Я ведь забыл про тебя совсем, скотинёшка... Э, милка? Или милый? Ты кто - мужик или баба? *(Заглядывает под диван, стоя на четвереньках.)* Я ведь тебя чуть-чуть тут не оставил, чуть в гостиницу не ушел, во, память стала девичья, а? Ну, ты, ты, сирота бездомная, наелась моей колбаски, нет? Не стошнило тебя, нет? Не рыгнула? Ну, молодец ты, паря! Или дева? Дай, погляжу, кто ты по национальности, что там у тебя сзади, ну, ну... Да не бойся, не откушу, я же только посмотреть хочу твои причиндалы, ну? Да ну тебя... Грязная собака... Фу! Грязная какая! Холодно на улице, да? А тут тепло, ага? Пригрелась, ласточка... Пригрелась, моя хорошая... *(Пауза.)* Глаза у тебя большие, умные... *(Весело.)* Нет, а? Нет, ты обратила внимание, какой я добрый, а? Аж самому мне до чертиков приятно быть таким вот великодушным, добрым, снисходительным... Видишь, как, а? Ни одна собака, ни одна кошка мимо меня не проходит просто так, а? То есть - я не пропускаю! А?! Накормлю,

обогрею, постираю. Чувствуешь, как тебе повезло? На кого ты напала, чувствуешь, нет? (*Широко.*) Будешь теперь у меня жить! Я тебя буду кормить! Я тебя буду одевать! Я тебя буду обувать! Я тебя буду любить! Я тебя буду звать, к примеру... Шнурок! Или "Слойка", если ты женского полу! А?! (*Хохочет.*) Видишь, какой я юморной? Видишь, какой я остроумный? Видишь, как тебе повезло, а? Я страшно остроумный. Все мне об этом всегда говорили, что у меня юмора - прорва! Мне все говорят: "Ну, Вовка-морковка, ты как что скажешь, так на голову не наденешь или как в лужу пукнешь!"

Хохочет. Пауза.

Ну, чего смотришь? (*Декламирует.*) "Друг мой! Брат мой! Ус-с-сталый страдающий брат мой! Кто б ты ни был! Не падай душ-шо-ою! Пусть неправда и зло полновластно царят! Над разбитой... нет, нет, - над омытой, да, да, омытой слезами земле-ою-у! Пусть разбит и поруган святой идеа-ал...!!! "

Пауза. Смеется.

Ну, ну, не пугайся. Чего ты хвост поджала? Ссышь, когда страшно, ага? (*Хохочет.*) Не пугайся. Я ж артист просто напросто. Больших и малых императорских театров артист. Это ж я так - репе-ти-ти-рую! Привыкай, животина! Я тебе каждый день буду что-то читать эндакое, на тебе буду роли мои проверять, репетировать! Ага? Абгемахт! Абгемахт - что значит договорились! У, как смотрит... Еще укусит. У, как смотрит... Куси, куси меня, ну? Ах, ты кусаться, окаянная? Ребята, не пущай ее, нынче не велено кусаться! (*Хохочет.*) Не читала ты Антон Палыча, по лицу видно. А я - игрывал-с, так вот, душа моя, Тряпичкин. Выступаю я, не пугайся, понимаешь? Мне за это денежки платят, понимаешь? Ну, пойдем сейчас домой ко мне... Нет, не домой, а в гостиницу, я там живу. Дома у меня своего нету. Правда, в гостинице горничные говенные, ну, во всех гостиницах, где я жил - так, нигде нету порядочных людей... Везде, должен тебе сказать - обслуга: дерьмо.

Сел на стул - нога на ногу, закурил - в майке и трусах по-прежнему.

Правда, в этом театре и артисты - совершеннейшее говно. Я один тут артист, а остальное - так... Вообще-то, если брать широко, так сказать, в объеме страны, так сказать, то и во всех других театрах артисты - тоже говно совершеннейшее... Понимаешь? Да, милый, да! Ну, что смотришь так, а? Укатали сивку крутые горки. Еле живехонька, бедная, замерзла, зараза такая... Ну? Отогрелась, нет? Весь спектакль тут просидела... Хочешь конфетку? На. Ешь. Я очень добрый. Знаешь, какой я добрый? Я добрый и несчастный. Вот так вот... Ну да ладно, у нас впереди много времени, я тебе все-все расскажу, по порядку, ага? На конфетку - я добрый, запоминай. Развернул тебе. В буфете продают. Дорогие конфеты, зараза... Но я свистнул одну, тихохонько украл, ага! Для тебя спецом!

Хохочет.

Ешь. Конфета называется: "Мишка в Рейкьявике с соей". Что ты морду воротишь, гадина? Я тебе от всей души, от доброты и широты душевной, а ты? Чего морду воротишь, гадина? Дай, Джим, на счастье лапу мне! Ну, дай, а? Мы с тобой заживем теперь! Как два Аякса! Кастор и Полукс! Орест и Пилад! Понимаешь? (*Пауза.*) Ай, ничего ты не понимаешь, манда пикей, книжек не читаешь, ни разу не образованная! А я читаю! А я образованный! Абгемахт - будешь моим телохранителем! В обиду меня никому не дашь, поняла? Всех моих врагов - ням-ням и все! У меня много врагов, меня все обижают, все! Видишь, раздевать не пришли! У меня три вызова сегодня, три спектакля, я с ног валюсь уже! А они не пришли! (*Пауза.*) А я им не буду тогда костюм вешать на вешалку. Да! Пусть вот так вот и лежит! Во всех шестнадцати театрах, в которых работал, вешал костюм на вешалку после спектакля, уважал их сучий труд, а теперь - тут! - не буду! Не буду! Ну, Личарда? Пошли, что ли? Я вымою тебя, вычищу, выглажу... Ну, Личарда моя? А?

ПАУЗА

Э, э, э, э... Ты чего так на меня смотришь... *(Тихо.)* Ты чего это на меня так... ты чего это... Не надо так смотреть на меня... Не надо на меня так смотреть... На меня смотреть так не надо... Не надо, сказал?! Эй, я тебе сказал?! Ну?! Не смотри!!! Ну? А!!!

Встал с коленей, попятился к гримстолику. Смотрит в зеркало на свое лицо. Снимает грим. Вытер лицо полотенцем. Посмотрел в сторону дивана.

Ишь, как смотрит... Как человек смотрит... Будто что-то сказать хочет... Будто я ей рубль должен... *(Пауза.)* Рожа у меня, однако... Синяя. Баклажан. Маринованный. Нда-а. Жизнь прекрасна. Местами даже удивительна. Вот... Не рожа, а жопа. Вот с такой вот рожей попрыгал перед народом... Потешил пионеров... Будь готов, всегда готов. Вечером сказку директор в афишу ставит: это уж совсем последний промысел, в кассе-то театральной пусто. Знаешь эту присказку - последний промысел: отдавать пса в женихи. Это про нашего директора... Нда. *(Молчит.)* Хорошая у меня профессия. Очень. Разве б я смог у станка? Нет, ты что! Лучше мне и не надо, чем в театре. Лег бы вот сейчас на подмостки, посмотрел бы вот так вот на колосники и умер бы. *(Пауза.)* А хорошо придумал. Лечь и умереть, и видеть сны... Какие сны приснятся нам в том мире, а?! *(Пауза.)* Как красиво сказал я! Цумба-цумба-ца-ца-ца!!!!

Тоненько, фальшивя, запел:

“Ах, какой я элегантней! Какой пи-пи, какой ка-ка, какой пикантней!”. *(Кашляет, прочищает горло.)* Кхым, кхым! Мне прочили место драматического тенора... Ну да ладно. Идти надо, а то вахтеры придут сейчас, погонят нас... Тебя-то, милая, еле-еле провел, не хотели пускать, гады... Не любят животных! Изззверги! *(Смеётся.)* Ах, да! Чего же это я: Жомини да Жомини, а об водке ни полслова! Надо принять, принять грамулечку! Водочка - это вещь... Нда... Одеться надо, хватит в трусах, что же это я... Цумба-цумба-ца-ца-ца! Какой пи-пи, какой ка-ка, какой пикантней!

Налил, выпил.

Долго смотрит в зеркало.

Встал, выключил верхний свет. Горят лампы на гримстолике с тремя зеркалами. Владимир отражается в зеркалах многократно. Он долго и внимательно смотрит на себя.

Ну-ну... Схожу с ума. Крыша едет. Очень приятно. Шизики-френики, как говорится... Ну, что ж... Очень, очень приятно познакомиться... Ну-ну...

ПАУЗА.

Провел по лицу рукой. Смеется.

Слышишь, Шнурок? Я чёкнулся. Поздравь меня. Меня какой-то страх обуёвывать начал. Знаешь такое слово: “Обуёвывать”? А я знаю. Только что придумал. Видения начинаются... *(Шёпотом.)* Галлюцинации. Жижа с мозгами уже. Надо голову под кран, кран, кран, кран... И все пройдет, пройдет, пройдет... Это, конечно, от несвежей водки... Конечно, от нее...

Пошел быстро к раковине, плещется в воде. Намочил волосы. Долго пьет воду прямо из крана.

Это у меня как у Есенина. Сила был. Много пил. Ему черный человек приходил. Потому приходил, что смычки с народом было мало, а пива-вина - много... Правильно. Мало. Мало я сегодня выпил еще. Выпить надо. Выпить, выпить... Еще выпить. Еще, еще...

Наливает в стакан. Негромко:

Жучка! Эй!!! Если есть кто в комнате - куси его за ногу! В смысле, если есть кто кроме меня - куси! Ну? Есть? Или нету у тебя зубов? Бодливой корове Бог рогов не дал... Есть или нету? Нету? Ну, то-то. Пригрезилось. Приснилось. Вмажем.

Выпил. Начал переодеваться. Качается. Сел, трет виски.

Никого нет. Только Жучка дышит... С ума схожу? Нет, нет... Я же соображаю все... Или у всех гениев такие видения? А?

ПАУЗА.

Молчит.

(Весело.) Конечно! Конечно! А что же еще-то? Конечно! Как я сразу не догадался-то? А?! Конечно! А то что же еще-то?!

Закурил. Развалился в кресле, нога на ногу.

Конечно! Это всем нашим - нашим! - грезится такое, Жучка. Поняла? Ничего страшного это. Они все в другом измерении живут, а мы - в другом! Вот нам и являются всякие такие там, а им - не являются. Их волнуют только борщ, блины, пожрать, соленая капуста! А нас... *(Смеётся.)* Я уж подумал: с ума схожу. Думал, наказание мне за все грехи мои, за всю жизнь мою черезпеньколодную... Кого Юпитер хочет наказать, того лишает разума - так я думал... А это нет. Все нормально. Нет, нет, все в порядке... Это у всех у нас бывает, а я - испугался. Тебя бы не было, вообще бы перебздюхал. Страшновато, знаешь ли, Шнурок, быть гением. Страшно... Страшно мне...

Причесывается, рассматривает в зеркало прыщик на носу.

Откуда эти слова? Не помнишь? И я забыл... А, вот, вспомнил! Ну, все в порядке с головой, раз вспомнил. Я же говорил. Вспомнил, откуда: "Страшно мне...", это из "Стыд женщины, супруги, матери забыт! Когда и старость падает так низко, что ж юности осталось? Страшно... За человека страшно мне!!!!"...

Смеется, трет руки.

Все в порядке! Владимир Сергеевич, ты - молоток! Видишь, майка вот только рваная, это плохо, а так - все замочись. Новую майку купить все никак. Денег жалко. Вернее, нету денег. Без денег живем. На что нам деньги - мы сами золото. Правильно? Не в деньгах счастье, а в их количестве. Зачем нам майки, одежды, деньги? В гроб положить? Пустое! Другое главное, другое! Ладно, пошли! Веселыми ноженьками - пошли в гостиницу, ну?

Встал, заглянул под диван.

Ну, выскакивай, Жучок... Апорт! Апорт! Пошли?

ПАУЗА.

Нет. Посиди пока, Жучок. Сердце что-то... Стой, Шарик. Стой, милай. Давай, отдохнем. Тем более в пузырьке осталось еще трошки. В гостинице у меня еще есть, нам хватит. Давай, эту допьем и пойдем, ага? Пять минут, добавим и пойдем. Отдохни маленько... Кто нас гонит, кто нас ждет? Никто не гонит, никто не ждет. А то еще разольется в кармане бутылка, жалко... Да и выпирать из кармана будет, вахтеры увидят... Неловко. Я ж артист все ж таки... Люди узнают на улице. Посидим. Отдохнем от трудов праведных. В родном и любимом театре посидим... Допью, покурю...

Пригладил волосы, смотрит на себя в зеркало.

Тут уютно, покойно, большого света нету... Грязи не видно...

Пауза. Выпил. Озирает комнату.

Н-да. Грязи не видно. Засунули тебя, Вовка-морковка... Не посмотрели, Вовка, что ты артист первой категории, на четвертый этаж посадили. Где ты только не работал, Вовка, а в таком говне не сидел еще - по уши в говне. Знаешь, Шнурок, где я работал? О, тебе и не снилось. Из Керчи в Вологду, из Вологды в Керчь... Знаешь такие города? Ну вот, не знаешь. Такие есть театры, ого-го...

Пауза. Владимир быстро хмелеет. Помолчал, чему-то засмеялся, махнул рукой.

Знаешь, Жучка, какие есть театры? Тебе и не снилось. Сейчас тебе лекцию прочитаю. Расскажу - не поверишь. Ну, Малый-Большой - это понятно, само собой, в столицах, понятное дело. А еще есть такие театры, в таких столицах... Скажем, в городе Сарапуле. Не слышал такого, не бывал там? Прелестный городишко. На базаре всегда свежее молоко, каждое утро. Меня в Сарапуле три раза в трезвак забирали. Всего. Хороший был трезвак, чистый, мочой не пахнет, бабы-милиционерши. А есть еще Камышин, Шахты, Борисоглебск, Серов, Бугульма, Шадринск, Минусинск - бэ-э-э-э! И везде я работал! *(Смеется.)* Интересно, слово "Серов" - от слова "серый", поди, а, как ты считаешь? Урюпинск есть еще. Там два раза только забирали. Тоже чисто, тоже бабы милиционерши. Только в Сарапуле не били, а там эти бабы, сучки, били. Ментовки позорные... Иду, понимаешь, из театра вечером, ну, как всегда навеселе, после трудового дня, да, а они тут как тут - стоят на машине, меня ждут. Им план по пьяницам надо выполнять, ну они меня и забрали. Я им говорю: "Не имеете права, я артист первой категории!" Какой там! Говорят: "Тихо, суконец, это тебе тут не в доме культуры выступать в нашем вытрезвителе, молчи, слякоть - говорят! Нечего, мол, по городу коммунистического порядка Урюпинску пьяным ходить!" И все. Сидел ночь у них. Они ведь глупые, темные, необразованные, тупые, не знают даже, что такое театр, только свой дом культуры знают, дуры! *(Пауза.)* Вот... Есть еще Таганрог, знаешь ли... Много есть еще. А ты говоришь - майка дырявая! А ты говоришь - почему ты выпивший сегодня! Да у меня за плечами двенадцать театров, понимаешь ли... Или шестнадцать? А, все равно... Ладно. Погнали оттуда, из Таганрога-то, из-за пьянки, конечно, велели отдавать подъемные, вот что плохо, брат... А их уже и нету, денег-то, уже и пропил. Вот приехал сюда, здесь получил деньги, подъемные, с теми из Таганрога расплатился и опять нет денег... Понимаешь? Вот так... А как этот город называется?

Молчит. Смеется.

Тоже забыл, как и ты забыла... Вместе с тобой мы забыли... Не важно! Плевать! "Большие Бадуны" называется! Зачем нам всякое ненужное запоминать? Город, да и все. Город братской любви. Нас помнят, пока мы не платим за свет. Здесь пообещали Хлестакова. Видал, какой у меня диапазон? Знал бы ты, что я могу играть! Видал бы ты, что мне доверяют! Ты что думала: алкаш, да и все, так просто? Ничего подобного, милая Жучка. В Серове мне так и говорили: "Гений! Гений!" Да. Гений. Гений. Потому что я, прежде всего, не стеснен никакими рамками. Свободен. Я свободен, как птица в полете. Нет, как муха в полете. Ну, не важно. Живу весело, легко, счастливо. Живу, понимаешь ли, как гриб за баней: вырос вот и расту, расту, расту, тянусь к солнцу! Творю, мыслю, живу! Класс! У меня очень богатый внутренний мир. Понимаешь ли ты это, старуха? Очень богатый. Немыслимо какой богатый. Невероятно богатый. Очень. Очень. Мне вот, скажем, никогда не бывает скучно одному. Ни-ког-да. Я ни с кем не общаюсь. И все потому, что они меня ненавидят... Злятся на меня, завидуют. Везде завистники, везде, везде! Все одинаковы! Сюда вот приехал месяц назад всего - и вот, нате, всего через месяц со мной никто не разговаривает уже. Узнали меня получше, иззавидовались все до смерти и не разговаривают. Они видят, что я их всех своим талантом могу заткнуть за пояс. Я в десять раз всех талантливее. Всех вместе взятых. Знаешь, сколько сейчас в театре неудачников,

завистников? О! Море! Завидуют, мерзавцы, завидуют! От чего это происходит? Объясняю, раз ты такая необразованная. Лекция, лекция! Артисты думают: вот почему у Калягина, у Евстигнеева или, там скажем, у Мягкова, такой же диплом об образовании, как и у меня, и почему при этом он - вон где, а я - вон где. Почему, понимаешь? Нет? То-то! И вот этот-то червяк не дает всем покоя. Они себя сами этим червяком сжирают, изнутри их точит! А вот я спокоен. Мое время еще не пришло потому что. Да, я здесь, да. Но. Но. Мое время еще не пришло. Уже пришло, то есть. Немножко осталось. Но сколько лет я мучался, сколько лет я ждал?! Тебе и не снилось, друг Горацио! Но теперь-то я свое возьму! Возьму! Вырву!

ПАУЗА.

Владимир рассматривает себя в зеркало.

Ты что думаешь, я с ума схожу, что вот с тобой вот так вот разговариваю, да? Ага, как же. Тонкая штука, брат. Нет! Я ведь нарошно! Специально я это делаю. Да! Я артист. Актер. Я вот с тобой разговариваю, а сам в это время думаю: “Камера стоит справа, снимает меня. На широкую пленку снимает меня... Так, так, так... А как будет, думаю я в это время, если вот такой будет план? Или вот такой? А такой? А этот? Нормально, нет? Ничего, думаю я, продолжаю говорить и снова думаю, молодцом, хорошо, так, так, продолжай, Вовка! Красиво, Вовка! А что, если я сейчас тут слезу подпущу? Очень хорошо, трогательно... Слеза медленно течёт... текёт... ну, не важно - бежит! бежит! - по моему бледному несчастному усталому лицу... А? А! Красиво?! Красиво! ”... И вот так вот я всегда в жизни делаю, всегда думаю о камере, которая тут, в кустах где-то, даже в самые ответственные моменты жизни, когда, скажем, даже вот мать хоронил, стоял у гроба... Ну, ну, ладно не буду вспоминать, забудем про это.

ПАУЗА.

И вот, понимаешь ли ты... Для нас, для артистов это - большой тренинг. Мы и в жизни играем, но вместе с тем представляем, что на нас кто-то смотрит, что где-то тут рядом есть зрители... Стоп, стоп! Почему это я говорю “мы” Я про них не знаю ничего. Я! Я! Я! Вот главное! Я! И нигде я - я! - даже в туалете не могу от этого освободиться! Даже ночью, когда сплю, не могу от этого освободиться! Темно в комнате, а я все играю и играю что-нибудь!

ПАУЗА.

Артист, милая - это не профессия. Это - диагноз.

ПАУЗА.

Я лучше всех! Я талантливее всех! Умнее! Шире! Тоньше! Поняла? Я лучше всех! Умнее! Они все завистники, идиоты, а я - нет, я - умен. Они дерьмо! Ужасный век, ужасные сердца! О, люди, жалкий род, достойный слез и смеха! Я смеюсь над вами! Ха-ха-ха-ха!!!! Я для них ничто, пустое место! Я?! Они совсем не видят, не хотят видеть, что я не такой, как они все! Для них нет ни эллина, ни иудея! Для них все равны! Но так не может быть! С кем можно меня сравнивать? Ничтожества! Они ничтожества! Эти мои братья-коллеги - полные ничтожества! Да и ты тоже, брат-мать, не поймешь меня! Нет, не поймешь. Куда тебе меня понять? Тонко! Ты даже не представляешь, кто говорит с тобой, кто беседует с тобой, кто честь тебе оказывает, кто подобрал тебя из доброты душевной на улице, суку такую грязную, полудохлую, больную! Не представляешь! Для камердинера нет героя! Ты - мой камердинер, ясно? Ты как это суки-товарищи по театру! Люди искусства! Как говорил мне старшина в армии: “Люди искусства - искусственники, значит! Голубая кровь, да?!”. Ха!

ПАУЗА.

Заплакать, что ли? *(Молчит.)* Не буду. Не буду. Не буду. Нет, не буду я плакать. Не буду я нервы свои драгоценные тратить на них. Вы не достойны. Вы не заслуживаете того, чтобы я из-за вас плакал, проливал свои священные слезы! *(Пауза.)* Хорошо сказал. *(Пауза.)* И с чего это я так расстраиваюсь? Из-за того, что со мной никто не хочет в одной гримуборной сидеть? Абгемахт! Ха! Из-за этого я буду расстраиваться? Меньше народу, больше кислороду! Плевать! Да, правда. Мне сказали, что это не враки. Не хотят сидеть, ушли в другие комнаты. Знаешь, почему? Представить себе не можешь, какая гнусь, представить себе не можешь, что в ихние бошки взбрело, мерзок род людской! Говорят, что от меня чем-то невыносимо пахнет, какой-то говорят, специфический запах! Запах мочи, железнодорожного вокзала, перегара и вытрезвителя! В глаза сказали. Суки- завистники! Суки, подлые суки! Ну да, ну да!!! От них пахнет, а от нас - воняет! Несет какой-то пропастиной! Ну чем, чем пахнет, понюхай, понюхай, ну?!

ПАУЗА.

Нет, ты понюхай, ну? Чем? Ничем, правильно. Нормальный запах. Никаких таких вокзалов я не чувствую. Да пусть, пусть говорят: на всякий чих не навздравствуешься, я даже внимания не обращаю на них. Мочой, да? Нет, я себе такого никогда не позволяю, чтобы мочой! В каком бы состоянии ни был - только в туалет и все! Никогда в постель! Никогда! Боже упаси, спаси-сохрани! Категорически! Не хватало мне еще тут... онурезу мне только не хватало... Это уж совсем надо дойти, опуститься, до полной деградации, до полного вырождения надо дойти, чтобы так вот... Ни-ког-да! Слышишь?!

ПАУЗА.

Я ведь еще на ногах, чтобы такое не делать, позволять себе, нет, ты что, ты не беспокойся, не будет... Они просто мне завидуют и потому мне так сказали... Завидуют, что скоро у меня будут такие роли, какие им и не снились. Больше ведь в театре играть некому, понимаешь? Обещал мне режиссер, когда брал, обещал ведь! Ну и все тогда! Скоро такое начну играть, такое, такое... Весь город с ума сойдет. Центральная пресса поднимется! Понаедут тут с прожекторами, юпитерами, кинокамерами! Телевидение, радио, кинохроника! Это я сейчас, в первый месяц, понимаешь ли, должен вот такое, ну, что сегодня-то вот, играть, ну, что ты видела, ну, чтоб влиться, понимаешь ли, в коллектив. В коллектив гадюк. *(Молчит.)* Влиться. Чего в него вливаться-то? Я ведь не говно какое-нибудь, чтобы вливаться... Сегодня вот в этой пьесе играл... Ну, как она называется, скажи? Не видела? А-а, ты ведь под диваном сидела, не видела...

ПАУЗА.

Забыл ее название. *(Смеётся.)* Пустое! Зачем всякую ерунду запоминать? Я такие дерьмовые роли, как эта - под суфлера играю. Зачем голову всякой ерундой забивать? Что помню, то и помню. Что говорю, то и говорю. Раз говорю это - значит: это надо говорить. Но и в такой ерунде я - артист! Ты заметила это, да? Артист! Мастер своего дела! Видела, какие я толщинки себе придумал? Грим какой смешной, а? Парик, ага? *(Хохочет.)* Ты заметила, оценила это? Молодец. Видела, как я то-сё, пятое-десятое делаю? Не на кого ведь смотреть на сцене, не на кого, на меня только все и смотрят! Я самое яркое пятно! *(Молчит.)* Как же эта пьеса называется? Забыл! *(Смеётся.)* Плевать! Главное, надо помнить только, главное, а главное - это: Михаил Афанасьич, Алексей Максимыч, Александр... Ну, как его? Островского-то, не помнишь, нет? Забыл. Ну, короче, вот еще Островского надо помнить, роли из него. Их надо наизусть учить, а этих - мелкоту всякую, птфу! Однодневки! Они сойдут со сцены, и их все позабудут! Поняла, нет? Ничего ты не поняла! Я говорю - с той недели начну Хлестакова уже. Блистательно я это сыграю! Ах, как

сыграю! Гениально! Блестяще! Да, много званных, но мало избранных, старуха... Поняла ты глубину моей мысли, нет? Не поняла! Дело в том, что я отношусь к Богом избранным! Вот так! Только не надо морщиться и не надо делать так бровями, товарищи, не надо, не надо, не будем, вот так, не будем!

Встал, ходит по комнате, машет руками.

Я выхожу на сцену и купаюсь. И залу нравится, нравится мое безумие, мое это дикое неистовство! Мое упоение! Мое проживание в образе! Публике нравится, как я купаюсь, плещусь, понимаешь ли! В смысле - играю! Я ведь умею это - взять зал. Взять его в кулак и держать, держать! Вроде, и хотел бы уже по-другому, вроде, и хотел бы уже иначе, а не могу! Лопни теперь, но форс держи. Не научился вот в полноги! Не могу уже! Таскаясь по грязным театрам, не сумел растерять, остался в душе в моей трепет, поклонение, да, да! Театр - храм! Священнодействуй или убирайся вон! Любит меня народ, любит! Как меня не любить, ка-ак?! Пью. Да, пью. Все не без греха. Не пьет только северный олень. Ему рога мешают. По мне уж лучше пей, да дело разумеи. Я умею. Да, я умею. Я все умею. Еще как умею. Вот слушай, что расскажу тебе, слушай, слушай...

ПАУЗА.

Ты знаешь, кто со мной общается? Нет? Я тебе открываю тайну! Потому что ты никому не расскажешь. Потому что ты разговаривать не умеешь!

Хохочет.

Слушай, что было сегодня! Опупеешь сейчас, потому что опупеть можно! Слушай. Сегодня ночью меня как будто кто-то в бок толкнул! Хм... Это из Поприщина. Ну, дальше, просыпаюсь. Ага. А спал я сегодня не в трезваке, в гостинице почему-то... Ага. Сплю. Открываю глаза. А у окна в номере стоит министр культуры. Ага. Ну, этот наш, чмошник... То есть, нет, нет, извините! Новый, это прошлый был чмошник! Стоит, короче. В моем номере. Я глаза протер - стоит. Я думал: приснилось, пригрезилось. Нет, стоит. Ну, ты же понимаешь, что они сейчас все в народ пошли, все с народом говорят, общаются, беседуют, ну и этот тоже, пришел в мой номер, ну вот. Явился, вот. Видать, прослышал обо мне и явился. Приперся ночью! Вот как их низы, то есть - мы! - прижали! Они уже и по ночам не спят! Ну, ладно, слушай, что дальше было. Я ему говорю: "Здравствуйте, товарищ министр! Вы как тут оказались?". Дурачком таким прикидываюсь, понимаешь, да? А он мне так по-свойски - в демократию играют, гады! - по-свойски отвечает: "Да вот, театр твой очередной проверяю. И к тебе вот, Вовка-морковка, зашел. Как ты и чего?". А у меня пузырь начат был, флакончик стоял под кроватью, я на ночь, чтобы спать спокойно, всегда заначиваю фуфырек, ты понимаешь, да? Ну вот. Я к нему кинулся, думал, сейчас вмажем с товарищем министром... "Свет надо зажечь" - говорю, "у меня где-то закусь была"... А он мне говорит: "Не надо, говорит, глаза болят, устал... Вот, говорит, театр этот твой очередной, Вовка-морковка, проверяю. Да еще надо мне с тобой, Вовка, поговорить об одном деле. Давно собираюсь. Да все никак. Ну, как дела, говорит, твои, как ты живешь, скотина такая?.."

Смеется.

Я, конечно, сама понимаешь, сначала удивился, что он так со мной, чересчур демократично, а потом подумал: он ведь министр, пусть! Ему можно! Да и правда, вообще-то - скотина, скотина я и есть. Правильно он сказал. В точку.

ПАУЗА.

Ну вот, слушай дальше. Я давай сразу жаловаться ему: "Плохо, говорю, живу, товарищ министр! Плохо! Разве так живут?! Это жизнь, что ли? Молчи, скрывайся и таи, и чувства

и мечты свои! Видите, говорю, как пообносился - даже, говорю ему, майка даже рваная! А зарплата маленькая! Да на пропой уходит много, одеколошу уже приходится употреблять даже - водка-то нынче дорогая стала! А зарплата - пшик и все... А отчего пью, говорю, товарищ министр, а? А от того, что тридцать восемь лет, сто театров за плечами, ни семьи, ни детей, в душе тоска, а чего ищу - сам не знаю! Может, не своим делом я занимаюсь, а? И легкие, говорю, у меня больные, мне лечиться надо бы! Помогите мне, говорю, батюшка-барин!"... Это я его назвал так потому, что в какой-то роли у меня такие слова были, не помню, что за пьеса, где это... Вот. А он на меня смотрел, смотрел так, молчал, молчал, а потом как потянет майку, ка-ак за грудки схватит, ка-ак закричит: "С-с-сука, тоже ноешь?! Все предатели, все лживые скоты! И ты тоже, курва?!" А я на тебя так надеялся, такую надежду возлагал! А ну, говорит, говори, падла, заново: как жизнь твоя, скотина!" И дышит мне в лицо луком дышит, дышит, дышит так... Гневный какой! А?

Хохочет.

Министр, что ты хочешь, ему можно! Я давай назадпяти: "Хорошо, хорошо, говорю, живу, товарищ министр! Лучше всех, говорю, живу, товарищ министр! Зарплата маленькая, но хватает даже на пропой! А искусство создают голодные, сытые разрушают только! Это еще и Вампилов говорил, не я! А то, что езжу из города в город - очень хорошо! Много езжу - значит: много увижу! За всю короткую жизнь много увижу, говорю! Это же хорошо, говорю, это же просто замечательно, говорю! А детей и жены нету - и слава Богу, и замечательно! Как бы я с ними мотался-то из города в город? Как?! Как бы я с ними так много увидел бы, а? Никак! А то, что легкие больные - это же просто прекрасно, просто замечательно, великолепно даже! Значит - жить еще осталось лет шестнадцать!"... Это я так ему пошутил, чтобы подсластить пилюлю! Ну, он меня сразу отпустил, майку-то мою, к окну пошел... И говорит мне так серьезно, серьезно, прямо как на заседаниях на своих, на коллегиях или не знаю, как они там называются... Ну вот. Только смотри - тихо, молчи, что я тебе сейчас скажу, что он мне сказал - никому! Поняла?! Ну, слушай. Говорит он мне: "Молодец, Вовка-морковка..." Это он меня так. А?! Похвалил, зараза!

Хохочет.

"Моя, говорит, школа! Так, говорит и надо жить - как гриб за баней... А то, говорит, число талантов превысило число поклонников. Вот так вот, говорит! А дальше... (Шепотом.) Сказал: "Слушай, Вовка, что тебе скажу сейчас, слушай, что я придумал, запоминай хорошенько. И никому, говорит, ни слова из того, что скажу я тебе сейчас! Итак, Вовка, завтра или послезавтра придет к тебе один мой товарищ - товарищ из ЦК! Из Центрального Комитета Всех Комитетов! Или из Министерства - не знаю! Понимаешь, говорит, да, чем дело пахнет, понимаешь? Итак, придет к тебе мой товарищ из ЦК и он назначит тебя директором, завлитом, режиссером и художественным руководителем театра! Своего театра! Твоего театра!

Стоит посредине комнаты.

И ты, Вовка, создашь свой театр! Свой! Настоящий! Немыслимый! Прекрасный! Без лжи и фальши! Без дрянных друзей артистов! Искренний, настоящий, великий театр! Замечательный театр! Духовный театр! А я, говорит, Вовка, буду сидеть на твоих премьерах в третьем ряду вместе с продавщицами и парикмахершами и рыдать в твоём театре, балдеть от счастья! И все мы будем счастливы, под музыку Вивальди, Вивальди, Вивальди!!!! Когда-нибудь! Бог даст!!!! Вот и все, говорит..." И ушел. Ушел... Ушел...

Трет лоб, смеется.

Понимаешь ты, собака, а? Вот кто со мной общается, вот кто мне доверяет свое сокровенное, свое самое-самое, мысли свои, чувства свои! Вот кто! Какие люди, Боже мой! Боже ж ты мой! Боже мой! Они, там которые, наверху которые, они мне доверяют! Доверяют! Уважают! Знают, что есть такой Добчинский-Бобчинский! Знают! Помнят! Я - как гриб за баней, понимаешь... Они доверяют! И как доверяют! Как! Как! Как! Вот так доверяют! Театр доверяют! Мой театр доверяют мне!!!

ПАУЗА.

А они тут смотрят на меня, как на чудовище! Алкаш - говорят! Белая горячка, мол, говорят! Опойка, говорят, а не артист! Вокзал, говорят! Позор театра, говорят! Гнать таких надо в шею, говорят! Будто я - Калибан! Ни больше, ни меньше! Нет, я не Калибан, граждане, нет! Если уж говорить высоким штилем, а я это умею, так вот, если говорить высоко - я Крез! Да! Я обладатель несметных сокровищ! Они все в душе моей! Несчетные сокровища! А вы загнивайте дальше! Мне плевать! Дальше, дальше, дальше... Дальше - тишина! У меня, друзья мои, другие планы, другие заботы, другие дела... У меня все другое! Все, все, все! Я для другого родился! Не для ваших гнусных интриг! Не для них! Что останется от вас? И только что в газетах осталось: "Выехал в Ростов!" Вот так! Пыль, пепел, труха! А от меня останется! От меня много чего останется! Кому нужен ваш репертуар времен очаковских и покоренья Крыма?! А вот у меня будет в моем театре репертуар - ого-го-го! Никому не нужны ваши долбанные пьесы!

ПАУЗА.

Что молчите? Правильно, никому! Потому-то и сидят у вас в зале - три сестры и дядя Ваня! Кому нужны ваши роли? Тьфу, а не роли! И эта тоже, костюмерша, с вами заодно, да? Заговор! Не пришла меня раздевать, ей противно, видите ли, выразила свое "фэ"! Да с тобой ведь все, кому не лень, со всеми таскаешься... Направо и налево! Нина-добро-пожаловать! Собирай его сама, сама, сама!

Пнул костюм, валяющийся на полу. Наливает, пьет.

Э, собака? Ну, чего ты там, сука такая, молчишь? Ты сидишь там или нет? Молчишь, ага? Испугалась, ага? Уважать стала, ага? Грозный я, ага? Мне бы власть бы дали, я бы их всех бы задушил бы, ага? Или ты тоже не хочешь со мной разговаривать, ага? Нет, ты скажи, хочешь или нет? Не хочешь, да, падла?! И ты, Брут, предал меня! Иуда Искарот, сочинение Леонида Андреева! Предательница! Спишь! Лакей сидит себе в передней, а будет с барином расчет!

Молчит.

Ладно, все, хорош. Подъем. Мне надо идти, я забыл совсем... Пой песни веселее, собака! Ну?

Одевает пальто, руки не лезут в рукава.

И тот, кто с песней по жизни шагает!!! Тот никогда и нигде!!! Не пропадет!!! Мне прочили место драматического тенора, а я буду руководить театром! Моим театром!

Бормочет.

Ты голодная, нет? Я тебе давал конфетку... Ты нажралась, ты не голодная... Голод! Любовь и голод правят миром!!! О, как я голоден и как я люблю! Я правлю миром! Как я люблю тебя, жизнь, что само по себе и не ново! *(Декламирует.)* Как я люблю театр! О! О! О! О! О! Как я его люблю театр! Так бы взял бы и задушил бы его в своих объятиях! Любите ли вы театр так, как люблю его я, то есть, всеми фибрами души своей, со всем

исступлением молодости... *(Молчит.)* Забыл. Плевать. О! О! О! О, я люблю театр! ООО!!!! Я так люблю театр!

ПАУЗА.

Хорошо, не буду. Ты правильно сказала: друг Аркадий - не говори так красиво... Ты права...

Собирает костюм с пола, складывает на диван.

Положил в сетку пустую бутылку, хлеб.

Тебе хорошо... Тебе - чего? Ничего... У тебя всегда все в норме... А у меня теперь целая куча забот... Мой театр! Мой театр! А утром у меня будет: головка бо-бо, во рту ка-ка, денежки тью-тью, потому что денежки бабайка ням-ням... А забот с утра - ого-го! Тебе хорошо... А мне вот... В этой жизни помирать не ново... Нет, не то... Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось... Псу живому легче, чем мертвому льву... Черные мухи летают, летают и лижут мои раны... Все. Надо идти. Мы с тобой сейчас не пойдем в гостиницу. Я пойду на вокзал сейчас. Я совсем забыл, что его можно ждать с минуты на минуту... Вдруг он сегодня ночью приедет? Тогда - что? Нет. Я пойду и буду ждать его, моего дорогого товарища из ЦК! Он приедет - и все, все переменится, вся жизнь! Все встанет на свои места! Будет дождь, будет снег, будет метель, а я буду стоять на перроне и ждать его! Ждать буду его! Он обязательно приедет! А я буду ждать его, всю ночь, до утра! Встану у фонарного столба и буду ждать его! Камеру надо сюда, кино надо снимать такое, чтобы все видели, как я там на вокзале, на ветру стою, какие я муки в жизни своей терплю! Все видели чтобы! Буду ждать! Буду, буду, буду, чтобы вы мне не говорили! Буду ждать... Ну, пошли?! Ты, жертва общественного темперамента! Ну, вставай, ну?! Идешь?! Что ты сказала? Ну, плевать, оставайся, раз не хочешь... Я пошел на вокзал...

Распахнул дверь в коридор пинком ноги. Кричит:

Э-э-эй!!!! Почему меня не выгнали из театра?! Почему вахтеры меня не выгнали из театра, ну?! А-а... Со мной никто не хочет связываться, так? Не хотят разговаривать, они презирают меня! От меня пахнет, от меня воняет! Ничтожества вы такие...

Кричит, что есть силы.

Э-э-э-эй!!!! Почему так темно в этом театре?! Включите свет, ну?! Эй! Включите свет!!!!

Вернулся. Упал на пол. Заглядывает под диван.

Ну ты, гадина... Где ты тама... Пошли быстрее со мной... Мне страшно одному идти по лестнице, там темно... Я говорю тебе, что я боюсь идти до первого этажа по темной лестнице, слышишь?!

Бьет собаку.

Идешь?! Идешь?! Идешь?!

ПАУЗА. Молчит. Смотрит под диван.

(Тихо.) Ее кто-то убил... Я не убивал... Она мертвая... Дрянь такая... Взяла и умерла... Зачем ты умерла, дрянь такая...

Свернулся калачиком на полу.

Пустое... Забудь... Я пошел... Абгемахт мы с тобой... договорились, то есть... Мне надо идти... Мне нужно идти на вокзал, на вокзал, встречать все поезда, которые едут из Москвы, все до одного... Меня там ждут... Ко мне должен приехать товарищ из ЦК... Из

Центрального Комитета Всех Комитетов... Мы с ним построим театр, мы создадим с ним
немыслимый, великий, настоящий театр! Мы создадим с ним... Мы сделаем с ним...
Обязательно, обязательно, обязательно, обязательно... Театр, театр, театр... обязательно...
Театр... Мы построим... Мы сделаем... Театр... театр... театр... наш театр... мы сделаем...
театр... театр... театр...

Плачет, бормочет что-то.

Пытается прикрыть полой пальто тело, долго-долго барахтается, засыпая...

ТЕМНОТА
ЗАНАВЕС
КОНЕЦ ПЕРВОЙ ПЬЕСЫ

ВТОРОЙ МОНОЛОГ

КЛИКУША

Действующие лица:

СТАРУХА
ДЕТСКИЙ ГОЛОС

Это было сегодня утром.

Забитый до отказа троллейбус. Крик, шум. Все пыхтят, толкают друг друга. Остановка. Двери открылись. Толпа прет в салон, толкает передних, поджигает.

Двери закрылись.

К кабине водителя протолкалась Старуха. Тяжело дышит, поправляет платок, шарит по карманам. Она в желтом дождевике, за спиной рюкзак. Платок синий, с белыми полосками, шерстяной. Старуха потолкала вокруг себя локтями, огляделась, устроилась. Достала грязный кошелек. Начала считать деньги, пряча от соседей.

Старуха недовольна чем-то, раздражена, сердита. Кричит соседке:

СТАРУХА. Э! Эй?! Вам говорю, вам, ну? Будьте так любезны, товарищ гражданин, передайте билетик, чтоб пробили мне... Ой, извиняюсь, гражданка! Спутала вас. Прокोलите мне, дама, а? Ага... Вот так, спасибо. Спасибо вам. Спасибо. Благодарю сердечно ваше достоинство! Бла-го-да-рю! Слышите, нет, что я сказала? Благодарю, говорю, сердечно ваше достоинство!

Последнюю фразу сказала с явным расчетом, чтобы все оглянулись. И правда: Старуха сразу же оказалась в центре внимания.

Пассажиры смолкли. Одна Старуха будет говорить теперь - громко и важно. Да еще вот, правда, парень с девушкой все тараторят и тараторят о чем-то. Старуха недовольно прикрикнула на них:

А вы? А? Не слышите, нет, что ли, что я сказала? Нет? Я говорю всем, всем вам: “Благодарю сердечно ваше достоинство!” Поняли, нет? Учитесь у меня обхождению, слышите, нет?

Парочка разговаривает, не обращая на Старуху внимания. Старуха занервничала, прислушиваясь к разговору.

А? Вон, стало быть, как! Книжку рассказываете? Вы, стало быть, книжки читаете? Грамотные, стало быть, ага? Ну дак раз вы книжки читаете, ну дак вы, стало быть, умные сильно! Грамотные, ага? Ну, рассказали бы нам всем какой-нибудь анекдот из книжки из вашей или историю, а? Всем ведь охота послушать, не только вам вдвоем! Ну? Что же вы замолчали? Вон сколько народу, все ждут вашего выступления, ну? Прямо раскрытое партийное собрание! Всем охота! Всем далеко ехать, всем нам скучно! Ну дак давайте же нам развлечения! Ну?! Хлеба и зрелищ! Ну, хлеба у нас навалом, если в очереди постоять, есть хлеба у нас, так дайте же нам из конца в конец развлечений, зрелищ, ну! Зрелищ! Зре-лищ! Зре-лищ!!!!

МОЛЧАНИЕ.

Не хотите? А говорите - книжки читаете. А говорите - вы грамотные. А говорите - вы умные. Какие же вы умные? Вы дураки самые натуральные. Ну, расскажете нам, нет? Мы бы послушали. Ведь сейчас никто никого не слушает, а мы бы послушали бы вас, а? Ну? Не хотите?

Теперь Старуха одна. Она никого не видит и не слышит.

Вот, не хотите людей повеселить и не надо. Не надо. А жалко, вообще-то. Весело бы доехали до места, с пользой. Правда, граждане, так? Товарищ гражданин, так, нет? Ага, так? Ну вот. Вы бы - анекдот, я бы - из Евангелия что-нибудь прочитала бы. Ну? Что, думаете, не могу, да? Думаете - не знаю, да? Ага? Или не хотите меня послушать? Ну, хотите, не хотите, а все ж таки слушайте! Слушайте все! Вот я - я, стало быть! Я - посылаю вас всех! Вас всех посылаю! *(Пауза.)* Поняли, нет, что я вас посылаю? Итак: “Я посылаю вас всех, как овец среди волков! Итак, будьте мудры, как змии и просты, как голуби!”. Поняли? А еще не надо ли вам? Слушайте сюда все! Хоть вы и не хотите, но все ж таки слушайте! Блажен человек, у которого в сердце стези направлены к Тебе! Понятно ли вам, как я умею? Да не к тебе, чего ты рот-то раззявил, а? Не к тебе, а к Тебе! Понимаешь? Ясно вам всем или не ясно? Понятно вам всем или непонятно? Лопнули вы все от зависти или еще не лопнули? Говорю вам всем для вас всех, снова и дальше, чтоб вы поняли!

МОЛЧАНИЕ.

Что вы так на меня смотрите? Чего глаза свои в меня вперили, чего бульками своими лупаете? Луп да луп, луп да луп - будет вам отлуп! Ну, чего? Думаете, у меня кельдым в голове? Ага, как же, дождетесь. Не дождетесь. У вас у самих кельдым в голове будет раньше моего. Вот так, ага. Ясно? Не дай мне Бог сойти с ума, нет, лучше посох и сума. Поняли? Пушкин сказал. Солнце русской поэзии это сказал. Александр Сергеевич. Я ведь в университетах училась. Еще в каких, вам не приснятся мои университеты. Знаете, нет? Горький сказал: мои университеты. Горький-Пешков. Улица в Москве есть: Пешков-стрит называется. Не знали? Ну, Пешкова не знаете, буревестника русской революции! Ну да ладно. Мои университеты, должна я тебе, мать, сказать: жизнь наша подколодная... Великий пролетарский писатель сказал: “Мои университеты были в детстве, по Руси, понимаешь ли...” Вот и я так. Ну, проверьте меня, про чего-нибудь спросите - я все на свете знаю, все читала! Ну, скажем, вот: Марчелло Нестоянни - такой артист был, Дребезжит Бедро - артистка, Мурлин Мурло - тоже, или там Борхес вот есть и был, Сальвадоре Дали такой есть еще к примеру, потом кто еще? Джон Ленин, Ринга Сталин, Поль Макаренко и Джордж Хрущев еще был! Композитор Бородин сел позавтракать один. Съел Мяковского с Чайковским, запил Сметаной, пошел на Дворжак, у него случился там Бах и появилась Могучая кучка! Понятно, нет?

МОЛЧАНИЕ.

Ничего вам не понятно. Вы такого и не слышали даже, что я вам рассказываю.

МОЛЧАНИЕ.

Ну, что как в театре смолкли? А? Я не артистка. А если я артистка, как вы считаете, то соберите быстренько по рублику! Артисты за деньги выступают! *(Смеётся.)* Да я ж пошутила, пошутила, забери ты свои деньги! Сволочь, ворованные ведь деньги, поди, а она мне их сует. Забери взад! Не нищая я, не нищая! Я бедная, но не нищая. Чего? Кому? А-а-а... Так бы сразу и сказала бы что, мол, передайте на билеты, на абонементы, к водителю... А ты знаешь, что только по пять и десять штук? Знаешь, нет? А знаешь еще, что только на остановках и без сдачи? Знаешь, нет? И что еще водителя во время движения не надо отвлекать разговорами, знаешь, нет? К двери не прислоняться! Из

окошка не высовываться! А за бесплатный проезд штраф три рубля! Или три доллара? Долларами лучше - дешевле. Знаешь ты эти правила с детства или нет? Вызубрил ты их наизусть или нет? Ну вот. То-то же! На, на, на свои абонементы и передай рубль, ну? Рубль даю тебе ажно! Ажно!!! Рубль - молоткастый и серпастый! Неконвертируемый! Ну?! Я говорю - кучеру, Автомедону передай нашему! У-у, черти, неграмотные, кто Автомедон - не знают, дураки, от рождения неначитанные...

МОЛЧАНИЕ.

(Запела.) Мы живем в городе братской любви! Нас помнят, пока мы не платим за свет!
(Пауза.) Здорово, ага?

МОЛЧАНИЕ.

Никто не хочет говорить. Все молчат. Все надулись. Все в свои скорлупки залезли, и никто со мной поговорить не хочет. Понятно. Думают, что у меня в голове кельдым. Да мне скучно, скучно мне одной в целом мире! Скучно мне с вами вот так вот пыхтеть-потеть, молчать, ехать! Понимаете, нет? Я хочу все, что знаю - вам рассказать! Вы ведь все глупые, неграмотные, от рождения неначитанные! “Человек!” - сказал великий русский писатель Антон Павлович Чехов, “выведи меня отсюда, человек! ...”

МОЛЧАНИЕ.

Нет, спасибо. Меня - не надо. Еще не моя остановка, ехать еще далеко мне, благодарю сердечно ваше достоинство, еще стоять буду пока, сяду, успею еще, насижусь, когда посадят, благодарю сердечно ваше достоинство... *(Пауза. Смеется.)* Ишь, какой умный... Выгнать меня из троллейбуса хотел, ага? Вытолкать хотел, ага? Фиг тебе. Я на свои деньги удовольствия сполна получу. Не выйдет! Понял? Шутки-юмора не понимает! Я ж сказала русским языком тебе: “Человек, выведи меня отсюда!” А ты кто? Человек, что ли? Молчи в тряпочку, человек...

МОЛЧАНИЕ.

Никто не хочет говорить. Ну, сами виноваты... Сами, гады такие. Сейчас я вас всех на разговор выведу, сейчас вы все заговорите у меня, хором, разом...

МОЛЧАНИЕ.

Старуха долго молчит, поправляет платок. Вдруг начинает говорить с дикой злобой, ненавистью, совершенно серьезно:

(Громко.) Кисло-бздеи... Все едут, едут, едут, едут... КислОбздеи вы все, вот вы кто!!!! Почему вы все не на работе?! Почему вы все в троллейбусах ездите? Почему не на работе, ну? Больше хлеба, молока и мяса! К станку бы вас всех, чтобы молоко и мясо в магазинах появилось! К станку! К станку! Что ты, гадина такая, суешь мне локоть в бок, а?! Сует, понимаешь, мне в бок локоть с золотыми кольцами! Что ты суешь, что, что? Думаешь, если каракулевую шубу надела, так тебе можно мне и локоть свой мне в бок пихать, да?! Так?! Чем ты хвастаешься, кооператорша? Золотом ворованным? Бюрократы, мафиози, хапуги, административно-командный состав! Уйди от меня подальше, а то у меня в рюкзаке граната, сейчас как рвану чеку, так от вас от всех один только кельдым останется! Ну?!!!!!!

ПАУЗА.

Вокруг старухи образовалось пространство. Все перепугались.

Почему вас так много стало? Почему вас так много?! Почему никуда пойти нельзя - везде вы, дышать нечем, вы кругом, кругом, кругом! Непротоленная труба народу, твердыми духами от всех от вас воняет, все похожи, как китайцы, дышать не могу,

задыхаюсь... Луком, шампунем, перегаром воняет! А этот - смотри, смотри! - он уже кривелла! Враг народа, напился, да? Время двенадцать часов, а он уже напился, еле на ногах держится, смотрите на него, у него нос фиолетовый, алкаш! У-у, крокодила кусок! Как дала бы вот, так кровью бы и умылся! Скотина! Вытрезвителей на вас на всех не напасешься! Пропили всю Расею, пропили, пропили, пропили!!! Слышите вы?! Пропили!!!! Ничего не оставили - все пропили! А теперь и того лучше - был Бахус, так мало того, что Бахус - еще и Эрос появился! Ясно вам, что я такое сказала? Ничего вам не ясно! Да кто не дурк - тот понял! Ну, да что с вами разговаривать - вы все от рождения неначитанные! Все кругом сволочи, скоты, ненавистники! Убила бы вас всех до одного! Дали бы мне сейчас автомат - я бы вас всех к стенке! Одна я, я одна должна молиться, грехи ваши искупать! Безбожники, наркоманы, мазурики, шантрапа, крысы, суконцы гнилые!!!!

МОЛЧАНИЕ.

Правильно говорил Господь Бог, ой, правильно: “Придет время конца света и станут мужики, как бабы, а бабы как мужики!”. Вот и сходится всё по твоему, Господи! Ой, Господи-и-и-и!!! Сходится! Пришло это время, пришло! Ты посмотри, посмотри на них, Господи! Едут, едут, едут! Да не пихай ты меня в бок, у меня рация в рюкзаке, сломаешь, а она восемь вертолетов стоит! У-у-у! Куда вы все едете? Куда вы едете все? Мужики в бабской одежде, бабы в мужиковской! Мужики в юбках, бабы - в штанах! У-у, твари ненавистные! Бога забыли, от Бога отвернулись! Пришел один умник грязный ко мне и говорит: “Бабушка, что же ты на евреев-то ругаешься, ведь твой Иисус Христос был еврей!..”. Ах ты, гад такой! А?! Ты так, да? Ты так? Ну, я тогда взяла горшок с геранью - не пожалела для правого дела! - да как по голове по его жажнула! За такие слова ка-а-ак жажнула! Ка-а-ак жажнула!!!! Так жажнула, что он кровью и умылся, и чуть тут же рядом с геранью не окочурился! Скот, говядина! Вот так, вот так, так ему и вам всем, чтоб не богохульствовали! Вот так, так, так вам всем, так, так, так!!!!

МОЛЧАНИЕ.

Не толкайся! Не толкайся! Кому сказала - не толкайся?! Ну, куда вы все едете, а? Куда? В церковь, что ли, как я? Молиться, ага? Как же, молиться, ага... Нищие молятся, молятся на!!!! То, что их нищета гарантирована! Ага? Не в церковь ведь вы едете, нет? Куда вы едете, говорю, куда? Знаю куда! На улицу Труда жопой резать провода! В “Союзпечать” говно качать, ты - носом, я - насосом! Так, да? Так, так, я ведь вижу... (Пауза.) Что, что, что, что? А что я такого сказала? Чем недовольны? Что? Заругалась, что ли? Чего смотрите-то, а? Осуждают, ишь... Да ничего я такого не сказала. Матерное, что ли? Это все литературные слова. Все в рамках дозволенного, так? Это все разрешено. А у нас какой порядок? Если не запрещено - значит: можно! Где правила проезда висят, а? Вон, вон, у тебя над башкой висят, а ты не видишь ни черта. Читай! Там все написано! Всем читай, вслух, что там написано. Ай, да я наизусть эту поэму знаю. Там написано: “Таких-то и таких-то слов в троллейбусе произносить нельзя”? Написано? Нет, не написано. Грамотные все стали, так читайте, что там написано. Там написано: “В грязной одежде ездить нельзя, без намордника - нельзя...” Э, дама? Тебе говорю: без намордника - нельзя, вылезай давай! Чего ты без намордника едешь? И ты тоже вылезай. И ты тоже - тоже, вроде, без намордника... С лыжами длинными - нельзя, а с рюкзаком в церковь можно, можно ехать и разговаривать громко тоже можно! И говорить все, что хочешь - тоже можно, не запрещается! А что я такого сказала-то? Ой, Господи, да что-о-о?! Жопы да говно, жопа да говно, жопа да говно... Ну и что? Ничего постыдного я такого не сказала. Это все литературные слова. Их сейчас во всех книжках, во всех журналах, во всех газетах стали писать спокойненько. А вы скривились, как куриные задницы, будто ни разу не

слышали... Правильно делают, что сейчас эти слова на всех заборах пишут! Потому что вы каждый день с жопой да говном по несколько раз встречаетесь, а вслух про это сказать боитесь, стесняетесь... Ишь ты, какая порода стеснительных пошла! Одни слова для улиц, другие - для кухонь! Да здравствует “Наутилиус-Помпилиус”! Ой, хорошо тому живется, у кого одна нога, тому пенсия дается и не надо сапога... Ничего, ничего, скоро, скоро уже придет Эрос, придет он, так он вам покажет, стеснительным, так вашу так, где у вас что находится и как этим делом пользоваться, работать! Покажет он вам! На улицах будете совокупляться, гады! На площадях, на глазах у всего честного народа! Попомните потом мои слова, попомните! А то, что я два слова таких сказала - ничего страшного. Да, да! Ко мне ваше не прилипнет. Я не стесняюсь! Почему тихо можно говорить такие слова, а громко нельзя? Почему, ну? Ну-ка, быстро скажите мне, вы, грамотные люди, ну? Не знаете? Я скажу вам. Я свободный человек. Живу в свободной стране, говорю на улице все, что хочу, все, что мне нравится. А вам не нравится - не слушайте. Плюрализ! Я - свободный человек! Да здравствует декларация прав, принятая АНОНОм! Я вам сейчас все скажу! Все, все, все!!!! Слушайте меня, слушайте, меня! Все слушайте! Я скажу, скажу!!!! Говорит Москва!!! Московское время четырнадцать часов! Говорит Москва!!! Внимание, внимание!

Все напряглись в ожидании: что скажет Старуха.

(Кричит, что есть силы.) СССР!!! Слава!!!! Октябрь!!!! СССР!!!! Слава!!!! Октябрь!!!! СССР!!!! Слава!!! Октябрь!!!!

МОЛЧАНИЕ.

Что же вы мне сейчас-то рот не затыкаете? Что-о?! Нравится? Или что же - опять да заново - не нравится? Да что же это такое, да как же мне вам угодить: и это вам не нравится, и то вам не нравится... Ведь я же теперь не говорю: “Жоп...” *(Хихикнула.)* Ну, ну, ну... Не буду, не буду, не буду... Я пошутила! Проверка на вшивость! Шутка-юмор такой. По-шу-ти-ла! Хи-хи-хи-хи-хи!!!!

МОЛЧАНИЕ.

Чаво, чаво? Ась? Аиньки? Ах, вам абонемент? Билетик, да? Бери, бери его... Возьми, сверни в трубочку, засунь себе в ж... Вот именно, туда, туда... Вот, граждане, тоже: взять хотя бы этот самый билет. На нем слово какое-то этакое написано нелитературное тоже: “Минжилкомхоз”... А вот вы - ничего, привыкли, внимания не обращаете... Да если бы меня кто таким словом назвал, я б тому в морду плюнула! Ага! А вы привыкли, привыкли с Минжилкомхозом в руках ездить, плевать вам на все. Плевать! Минжилкомхоз! Пять копеек! На одну поездку в троллейбусе! СССР, слава, октябрь! Ура-а-а! Ура. Ура. Ура. Кое-где - дыра. Там, там, правильно вы подумали. Ура. Ура. Я из группы ликования. Ай, да берите вы свой Минжилкомхоз, намазывайте вы его на хлеб, ешьте, жуйте, давите, грызьте, сосите, облизывайте! Вам все, что не кинешь - все нравится, вам все вкусно, всякая падаль вам по зубам, клюете на всякую гнусную зарубежную антисоветскую пропаганду! Бессовестные. Тот, кто носит “Аидас”, завтра родину продаст. Вот так вот. Запомните! Берите свой билет, берите, берите...

МОЛЧАНИЕ.

У-у-у... Жеребьячья порода... Все будто попы, все с волосами длинными. Педикки кастрированные. В волосах у вас уже воши, гниды, аскариды, наутилиусы-помпилиусы завелись! У, черти немытые! Все смеется, да? Ржете, да? Над старухой издеваетесь, да? Ну-ну. Вот так вот... Пришло время конца света, пришло! Все по твоему сходится, Господи! Конец света, граждане, наступает, конец света! Киздец подкрался незаметно! Киздец нам всем, киздец!

МОЛЧАНИЕ.

Какая это остановка? Э, тебя спрашиваю, ну? Какая это остановка, а? Окна замерзли, ни черта не видно. Летом жарют и жарют, а зимой выключают. Все через это самое, что я в начале говорила, через это все делается. Через задницу, да, да. Верно вы там подумали - через нее, через нее все, через нее, родимую, все у нас делается! В магазинах отсутствует мясо свинины! На витрине так написано: “Нет мяса свинины”! Мя-со сви-ни-ны! Вчера на вокзал по делу приехала, слышу, объявляют: “Порядковая нумерация вагонов начинается с хвостовой части поезда!”. Да как же это так-то, все наоборот, а?! Почему не с головы, а с хвоста, а?! Почему вперед задом поезда ездят, реки в обратном направлении текут, на небе дырок ракетами понаделали - дышать невозможно, а?! Почему, почему, почему?! Почему, ну?! Кто мне ответит, ну?! Может мне это дело кто-нибудь объяснить или не может никто, а?! Почему это вся наша жизнь через зад, ну?! Скажите мне, ну, почему?!

МОЛЧАНИЕ.

Какая это остановка. А? Скажут они, как же... У-у, мясо свинины... Это что за здание, говорю? Гостиница “Турист”? Я когда была в Америке, так точно такие же там публичные дома видела, как наша гостиница “Турист”. Скоро будет церковь, нет? Да я-то знаю, а вот вы знаете или нет, где у нас молятся? Знаете? Горисполком проехали, обком партии тоже... Остановка “Родильный дом” скоро, нет? Скажет мне это кто или нет? Скажет? Там все рядом должно быть: родильный дом, стадион, тюрьма и кладбище... Никуда ходить не надо. Как родился, так и сиди на одном месте... Тебя под белые руки отведут для развлечения на стадион, потом в тюрьму, потом на кладбище - вся жизнь тама! Ну? Не знаете? Ох ты горе, муж Григорий, хоть бы худенький Иван! Господи, Господи, из меня советская власть Бога с двенадцати лет выбивала, да выбить не смогла! Я все равно с Богом живу и с Богом в сердце помирать буду! Чистая пойду к Богу! Чистая! Не так, как вы, ироды! Все семь грехов, ироды, на вас: зависть, скупость, уныние, гнев, блуд, гордость, объедение! Все вы ими повязаны с головы до ног! Запутались в грехах своих, запутались! Да есть ли тут среди вас хоть один не скупердый, не обжора, не блудливая собака? Есть, нет?! Всех, всех надо в лагеря, на всех Хозяина натравить, чтоб не блудили, не грешили, не святотатствовали! По Волге вниз виселицы пустить, и чтоб вы на них висели, чтоб все вас видели, боялись вас, плевали бы в вашу сторону, псы, псы вы смердящие, собаки! Да я плюю на вас, плюю! Тьфу, тьфу, тьфу!!! ...

МОЛЧАНИЕ.

(Кричит весело водителю.) Эй, татарва! Объявляй остановки-то, а? (Подмигнула кому-то.) Говорено было: придут ироды и будут в ваших Храмах коней держать! Так оно и есть! Пришли ироды! Ироды татарские троллейбусы водят! Татарка за рулем сидит, слышали, как остановки объявляет? “Останофка перви кияметр, сыледущий осытановка трети кияметир! ” (Хохочет.) Эй, Мулима! Объявляй остановки-то, говорю, ну? Объявляй! С головной и хвостовой части поезда - объявляй, ну?

МОЛЧАНИЕ.

Смотри, смотри, черти какие... Веселятся. Смеются. Надо мной, паразиты, смеются. Над полоумной старухой смеетесь, да? Да дураки-то вы, а я - умная! Ишь, смеются... Золотая рота, босяки, ПТУ долбанное, что вы надо мной надсмехаетесь? А? Что? Что ты пальцем на меня показываешь? Ну? Пальцем показывать неприлично, знаешь или нет? У меня вон в рюкзаке книжка есть “Правила хорошего тона”, в библиотеке Герцена взяла напрокат - вот сходи, возьми тоже, почитай, почитай! Сразу видно по вам, что академиев не кончали, чапаевцы! Пальцем вон там себе поковыряй, а не на меня показывай. Ага, угадал, дурило. Не там, а в носу, что тебя все туда-то тянет? В носу прыщавом в своем

поковырай! А билеты ваши где? А?! На презервативы деньги есть, а на билет нету? А ну покажь билет, твою мать, ну?! Где ваши билеты, товарищи граждане из ПТУ? Да я двадцать пять лет общественный контролер, вот мое удостоверение с печатями, в рюкзаке лежит! Смирно передо мной! Быстро все платите штраф! Ешьте землю и клянитесь, что больше никогда в жизни без билета ездить не будете, ну! Что ты мне руки свои грязные в харю суешь? Руки - хоть гречку сей! Ты один не умывался и грязнулею остался! Мойдодыра на тебя нету! Гони штраф, я тебе ясно говорю, суконец! Кому сказала, ну-ка, быстро?!

МОЛЧАНИЕ.

(Негромко, воровато.) Видите? Видите вон того мента позорного, а? Видите? Здра-а-а-сьте-е-е... *(Совсем тихо.)* Это он, он меня заставлял календулу исть... Он, он, он... Мне врачи сказали, чтобы я календулу ела. Ноготки такие, то есть, цветочки такие желтенькие, то есть, чтобы я ела, от радикулита помогает... Я пошла на клумбу к горисполкому и сорвала букетик, а мне надо было срочно в церковь ехать, позарез... Я баночку с цветами поставила к памятнику Ленина, с ноготками-то, подумала: тут никто не украдет, а я пойду обратно и заберу... Вечером иду, банку беру, а меня вот этот самый мент под локоток и - в "Черный воронок". А у меня пуза нету, я в "Черный ворон" сразу влезаю, сходу... Ну вот. Привез он меня в милицию, в Кировский отдел. Он рядом с Ленинским, Кировский, а тот - с Чапаевским. Ну вот. Говорит: "Почему забрала цветы от памятника, зачем оскорбила память вождя, так твою мать?!" Я ему говорю: "Я его памяти не оскорбляла, на что он мне сто лет нужен?" Говорю: "Мне ее врачи прописали, календулу-то, я ее ем, говорю, ем! Ням-ням, говорю, делаю!" Объясняю ему вот так - не понимает! На пальцах показываю: ням-ням! Не понимает! Говорит мне: "Раз так - ешь на моих глазах!". Я всю банку так и съела, чтобы доказать ему свою невинность по отношению к вождю! Только тогда и отпустил, ментяра позорный... Ишь, как смотрит, ишь, как смотрит... Злится на меня, думал в каталажку засунуть! У-у-у! На, выкуси, не вышло по-твоему! Ментяра какой... *(Испуганно.)* Нет, нет! Ура, ура! Я пошутила! Да здравствует десятое ноября! Моя милиция меня бережет! Я хожу туда-сюда, а она меня бережет! Календулу для здоровья заставляет есть! С грядки прямо! Охалками! Здоровье народа - наша задача! И я ем, ем, ем, ем... Все для милого дружка, хоть сережку из ушка!

Двери открылись на остановке, Старуху прижали.

(Кричит.) Э! Э! Э! Ну? Э? Ты? Не дави! Битва русских с кабардинцами! Ура! Ура! Не дави на меня! Не дави ты так, ну! У меня в рюкзаке хрустальная люстра, я переехала в пятикомнатную квартиру! Председатель горисполкома мне свою старую квартиру отдал, сам переехал в новую, семикомнатную, двухэтажную! А мне и такая пойдет, мне и такая в радость! Старая пятикомнатная подойдет! Нормалек! Люстру, люстру мою!!!! Я всю жизнь в бараке прожила, а вот теперь хочу в пятикомнатной с люстрой! Люстру, люстру, люстру мою-у-у-у-у!!! Не расплатишься со мной, суконец! В суд подам на вас, на кислбздеев! Э, Мулима! Водитель кобылы, ну, Мулима, тебе говорю, ну, Автомедон, кучер, ямщик, извозчик, стегай Росинанта! Гони, говорю! Закрывай двери, ирод! Ну? Погнали наши деревенских! Не трясина так, Буцефал! Не трясина, Мулима! Татарва проклятая! Последний ум из меня вышибешь, вытрясешь! Было гладко на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить! Ой, не трясина, не трясина! Ой! Ой! Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!!!!

МОЛЧАНИЕ.

Да почему же вы все не на работе? Почему, ну? Какая смесь одежд и лиц, имен, племен, наречий, состояний! Откуда это, знаете? А? Я могла бы сказать, что это я придумала, но нет! Я честная! Мне лавров не надо! Это Александр Сергеевич Пушкин сказал, солнце

русской поэзии сказал, придумал! “Братья-разбойники” называется! Поняли? Ничего вы не поняли! Ничего вы не знаете, дураки, ничего не читаете, кроме газет! Не газеты надо читать, не газеты!!!!

МОЛЧАНИЕ.

(Почти серьезно.) А сейчас послушайте самое главное! Я сейчас выйду на остановке и должна вам сказать самое главное! Поведать вам, слушайте! Запоминайте каждое слово! И-и-и-и! Всякая душа властям предержащим да повинуется, несть бо власти еще не от Бога! Повинуйтесь, повинуйтесь... *(Хихикает.)* И всем передайте - повинуйтесь! Дальше передайте еще: гора родила мышь! Всего-то? Ух! Какая-то в державе датской гниль! Слова, слова, слова! В новизнах твоих старина нам слышится! Не наступит никогда век Астреи! Никогда, братцы-кролики! Никогда не видать вам его, как своих ушей! Дураки вы эдакие, дураки... Бывали хуже времена, но не было подлей! Слышите вы меня? Слышите, как смеются над вами Авгуры? Над вами смеются! Не видите... Не видите... Ничего не видите... Одно утешение должно быть вам, дуракам: “Блаженны алчущие и страждущие правды, ибо они пресытятся!”. Да когда же вы пресытитесь, когда? На том свете пресытитесь, на том свете? На том свете, на том свете!!!! ...

МОЛЧАНИЕ.

ГОЛОС ДЕВОЧКИ. Садитесь, бабушка... Вам плохо... Вот эти места для инвалидов и детей... Садитесь?

МОЛЧАНИЕ.

Старуха села. Сделала на обледенелом стекле ладонью маленькое окошечко, смотрит в него, не мигая. Плачет, говорит тихо-тихо, не людям, а в окно, на улицу, самой себе.

СТАРУХА. Одна душа только меня пожалела... более жалеть некому... Никому я не нужна... Кто меня пожалеет, кому я нужна? Я всех жалею, я... Я брошена. Я “брошка”... Всеми брошена среди людей... “Как ваше здоровье?” - говорят мне. А я им говорю: “Не надейтесь, я не умру еще долго, долго, долго!”... Я буду жить долго и говорить им правду... Нельзя говорить так, как оно есть... Надо говорить им правду засекречено... Ничего не выйдет! Бесплодная смоковница... Одна душа пожалела, и та грешная, по глазам вижу, в мыслях уже согрешила, дитя несчастное... Что они делают?! Что?! Живьем людей едят... Как страшно мне среди вас, нелюди... Зачем я так много знаю, Господи, зачем ты дал столько печали мне, Господи, зачем?! Я умру скоро от тяжести той, что дал Ты мне, Господи, умру от этой ноши... Никто кроме меня не видит и не знает страшной правды... Как тяжок крест твой, Господи мой, как тяжело мне, как тяжело, как тяжело...

МОЛЧАНИЕ.

Старуха встала, кричит громко истерично:

А! Э! Ы! Йу! И! Мя! Мю! Ту! Ио! Ел! Рю! Па! Сы! Ты! Кы! Ны! Ге! Эд! Юя! ... А ну -пропустите женщину с ребенком! Быстро! Дорогу молодежи! Молодым везде у нас дорога! Старикам везде у нас почет! Мы живем в городе братской любви! Нас помнят, пока мы не платим за свет! Я другой такой страны не знаю, где так больно бьется человек! Девушки-красавицы паренька приметили и в запой отправился парень молодой! На позицию девушка, а с позиции мать, на позицию честная, а с позиции... Где так вольно дышит человек, ну? А ну, пустите меня на волю! Вольному человеку - волю, во-лю, во-лю!!! ...

Расталкивает всех, идет к выходу.

(Скандирует.) Ленин! Партия! Комсомол! Ленин! Партия! Комсомол! Ленин! Партия! Комсомол! Я из группы ликования! Даешь перестройку! У-у-у-у! Догоним и перегоним! Экономика должна быть экономной! Дадим каждому к двухтысячному году! Ум, честь и совесть нашей эпохи! Да здравствует продовольственная программа! Ура! Даешь реформу школы! Наш ответ Чемберлену! Ура-а! Да здравствует “Наутилиус-Помпилиус”! Да здравствует БАМ! Я тебе на рельсах дам! Головокружение от успехов! Ты записался добровольцем? Шаг вперед - два шага назад! Ну, что ты встал на дороге? Ты сделал что-нибудь для перестройки? Ты, бюрократ, волюнтарист, плюарист, онанист? Сделал или нет? А ну, выходи из троллейбуса вместе со мной, я тебя к стенке и из автомата ка-а-ак шарахну! У меня автомат в рюкзаке! Ну?! А ты - сделал? А ты? Ух, достану автомат, жалко, что на всех патронов не хватит, но достану, ух, достану! А ты сделал? Только одно слово скажи - “да” или “нет”, больше от тебя ничего пока не требуется! Ну? Не говоришь? Правильно... Лучше молчать... А то как бы чего... Ой, как бы чего... То-то же... Потом скажете... На страшном суде ответите - сделали вы что-нибудь для перестройки или нет... Всему свое время и время всякой вещи под солнцем... Наркоманы, проститутки, рокеры, токсикоманы, воры, фашисты, зэки, педики, неформалы, андеграунд, суки в рваных ботах, руки вверх все, ну?! Вам всем культуры-мультикультуры не хватает! А ну, пустите меня - моя остановка, ну? Библия у меня в рюкзаке, не помять бы её! Где церковь, где мне помолиться, где мой Бог?! *(Пауза.)* Где мой Бог?! Где Бог?! Есть Он еще или нет?! ...

*ТЕМНОТА
ЗАНАВЕС*

КОНЕЦ

*январь 1989 года
Свердловск*